

Мнение русских об иностранцах

Карамзин: pro et contra / Сост., вступ. ст. Л. А. Сапченко. -- СПб.: РХГА, 2006.
OCR Бычков М. Н.

...Все наши труды, из которых, конечно, многие заслуживают уважения, представляют только количественное или, так сказать, географическое прибавление к трудам западных ученых, не прибавляя ничего ни к стройности истории, ни к внутреннему ее содержанию. Один Карамзин, по бесконечному значению своему для жизни русской и по величию памятника, им воздвигнутого, может казаться исключением. Я говорю не об огромном сборе материалов, им разобранных, и не о добросовестном их сличении -- это дело прекрасное, но дело терпения, которому доставлены были все вспомогательные средства; я говорю о том духе жизни, который веет над всеми его сказаниями, -- в нем видна Россия. Но она видна не в рассказе событий, в котором преобладает характер бессвязного партикуляризма, всегда обращающего внимание только на личности, и не в суждениях часто односторонних, -- всегда проникнутых ложною системою, -- а видна в нем самом, в живом и красноречивом рассказчике, в котором так постоянно и так пламенно бьется русское сердце, кипит русская кровь и чувство русской духовной силы и силы вещественной, которое в народах есть следствие духовной. За исключением его великого материального труда, Карамзин еще более принадлежит искусству, чем науке, -- и это не унижает его достоинства: нелепо было бы требовать всего от одного деятеля. Из современных ученых некоторые поняли подвиг, к которому русское просвещение призвано в истории; они готовят будущие труды своих преемников, освобождая мало-помалу науку из тесных пределов, в которые она до сих пор заключена невольною односторонностью народов, предшествовавших нам в знании, и добровольною односторонностью нашей подражательности; но этих поборников внутренней свободы в науке не много, и им предстоит нелегкая борьба.

Недавно в одном из наших журналов была напечатана критика на пушкинского Годунова и на ложные понятия об истории Годунова, переданные Карамзиным Пушкину. Можно согласиться со многими положениями и догадками критика, оставляя в стороне его промахи по части художественной, например, смешное название мелодраматического героя, данное пушкинскому Годунову¹, в котором очевидно преобладает эпическое начало; можно согласиться, что в Годунове не было собственно так называемой гениальности и что если бы он был одарен большею силою духа и сумел увлечь Россию на новые пути деятельности и жизни, не та была бы судьба и его самого и его несчастных детей. Это замечание не без достоинства; но оно далеко не исчерпывает предмета. Нет народа, который бы требовал постоянной гениальности в своих правителях; и в сыне Феодора Никитича Романова², умирителе треволненной России, незабвенном Михаиле Феодоровиче³, возведенном на престол путем избрания, так же, как Годунов, трудно найти признаки гениальности, в которой отказывают царю Борису. Разница между отношениями народа к первому и ко второму избраннику (ибо Шуйского⁴, как незаконно избранного, должно исключить) происходит от чисто нравственных начал, понятных только в нашей истории и совершенно чуждых западному миру. Это была разница между законностью формальною и законностью истинною. Россия видела в Годунове человека, который втерся в ее выбор, отстранив всякую возможность другого выбора; тут была законность внешняя -- призрак законности; в Михаиле видела она человека, которого избрала сама, с полным сознанием и волею, и которому добродушно и разумно поверила судьбу свою, так же, как тем самым избранием поверила судьбу своего потомства -- его роду; тут была законность внутренняя и истинная. Это чувство отражается бессознательно и в Карамзине и в отзывах его о Годунове. В нем беспрестанно невольно выражается какое-то негодование на плутню Годунова, если можно употребить такое выражение об таком великом историческом происшествии. И выражения этого негодования были даже часто предметом критики, по-видимому, справедливой; но и тут, как и везде, Карамзин -- историк, художник сохраняет свое достоинство. В нем Россия выражается бессознательно; и он, как самый народ, хотел бы, да не может любить Годунова; и он, как народ, искал и не находил законности истинной в формальном призраке законности. Это чувство принадлежит собственно России, как общине живой и органической; оно не принадлежит и не могло принадлежать условным и случайным обществам Запада, лежащим на незаконной основе завоевания...